Крыша здания лаборатории была выше крыш всех других зданий и ближе всего к небу, так что это было место, с которого открывался лучший вид на Другой Мир.

Обычно тихая Школа вдруг начала меняться. Прямо на глазах всё больше студентов покрывались кровеносными сосудами, превращаясь в уродливых Монстров. Они вопили и причитали о своей горькой судьбе. Они, привыкшие к обыденности окружающего их мира, никак не ожидали той боли, которая снизойдёт на них вместе с вернувшимися воспоминаниями.

С каждым прорастающим сосудом от поверхности зеркала откалывался маленький кусочек. Так содержащиеся в Зазеркалье воспоминания постепенно возвращались к их настоящим владельцам. Вскоре весь мир, созданный Художником, рассыплется в прах.

В двух кампусах в этот самый момент царил полнейший хаос. А создатель и хозяин этих кампусов – Художник, продолжал стоять на крыше здания лаборатории с самым невозмутимым видом. Казалось, у него всё ещё есть какой-то козырь в рукаве. Он поднял с крыши разодранный холст, и тотчас на нём проступила чёрно-красная кровь.

- Ты собрался убить меня?

Чан Вэньюй всё так же беззаботно сидела, свесив ноги с крыши здания:

- Тебе удалось заполучить одобрение половины учеников в этой Школе, но у тебя всё ещё нет влияния среди другой половины. Если ты убьешь меня сейчас, то Сознание Школы будет мгновенно поглощено Красным Городом без какого-либо сопротивления.

- Я ещё никогда и никого не убивал, но, по различным причинам, многие умирали из-за меня. Я использовал этот самый холст, чтобы запечатлеть их последние мгновения, и я всё ещё время от времени беру его в руки, просто, чтобы полюбоваться на своё творение.

Художник вцепился в край своего холста. Его бледные пальцы оставляли красные влажные следы в тех местах, к которым прикасались. Казалось, ему было всё равно, что там сказала ему Чан Вэньюй. Он как будто просто разговаривал сам с собой вслух, высказывая всё, что накопилось у него в душе на этот момент.

- Ты, и никого не убивал?

Чан Вэньюй в изумлении всплеснула руками, а затем демонстративно скрестила их перед грудью.

- Ты всегда находишь оправдания своим гнусным поступкам, и это-то я и ненавижу в тебе больше всего!

Вонь, выходившая из холста, тотчас стала гуще, и Чан Вэньюй, встав со своего места, поднялась на ноги. В её глазах загорелся недобрый огонёк.

- Тебе известно, почему после своего успешного побега отсюда я всё-таки решила вернуться?

Художник слегка покачал головой.

- За Дверью я встретилась с семьями студентов. Они днями и ночами дежурили рядом со школьниками, пока те были без сознания. Они проводят бессонные ночи в ожидании, когда их дети вернутся домой!

Чан Вэньюй всё ещё стояла на краю крыши здания. Отражение кровавого мира было прямо над ней, а рушащиеся школьные кампусы внизу.

- Но я знаю, что они не дождутся своих близких. Всё потому, что Дверь удерживает их здесь насильно. Внешне всё это выдаётся за спасение, но на самом деле нахождение здесь только лишь ввергает их в ещё большее отчаяние.

Чёрные волосы Чан Вэньюй развевал кровавый ветер. Её правый глаз пульсировал красным светом, а из пустой левой глазницы сочилась чёрная кровь.

- Итак, я вернулась. Пускай, я и не смогу спасти каждого из учеников, но я могу просто сломать эту Дверь и вместе с ней навеки запереть здесь всех нас, так никто больше сюда не попадёт! Я не хочу, чтобы то, что случилось когда-то с нами, случилось с кем-либо ещё!

Кровавые цветы расцвели на её платье, и выражение лица Чан Вэньюй вмиг стало совершенно безумным.

- Я не остановлюсь ни перед чем, чтобы сравнять это место с землёй!

- И ты думаешь, у тебя получится? Потеряв одобрение Школы, ты мгновенно лишишься и своих сил. Вся мощь, которую ты обрела, обучаясь здесь, вернётся обратно к Школьному Сознанию.

Голос Художника был абсолютно будничным, как будто он спрашивал у Чан Вэньюй, завтракала ли она уже или ещё нет.

- Ошибаешься. Мне не нужно одобрение Школьного Сознания, пока меня одобряет хотя бы один из учеников!

Атмосфера накалялась. Очевидно, что Чан Вэньюй готова была броситься в бой сразу, как только выдастся удачный момент.

- А ты довольно настойчива! Это хорошо, что ты не сдаёшься. Но зачем же было привлекать призраков из Красного Города?

Художник взглянул через плечо Чан Вэньюй на Красный Город у нёе за спиной, что теперь подошёл уже совсем близко к Школьной границе.

- Борьба за одобрение Школы и за должность нового Толкателя Двери - это только наша с тобой битва. Зачем ты втягиваешь в это посторонних? Или это потому, что ты всё ещё боишься меня?

- Я знаю, что ты не совершишь одну и ту же ошибку дважды, поэтому у меня есть всего один шанс, чтобы убить тебя. Прежде чем ты станешь новым Толкателем Дери, я должна собственноручно разрушить это место!

- Разрушить Дверь, позвать сюда Призраков из Красного Города, наладить связи с каждым Красным Призраком, который когда-то воспротивился мне и имеет квалификацию, чтобы стать Толкателем, в этом и состоит весь твой грандиозный план?

Палец Художника небрежно скользнул по холсту.

- На самом деле, мне всё ещё чрезвычайно любопытно, как тебе удалось открыть парадные ворота? Все Призраки на территории Школы ограничены в своих действиях силой Школьного Сознания. По идее, никто не должен иметь возможность даже приблизиться к главным

воротам. Это единственная вещь, которую я так и не смог понять.

- Любой Призрак подвергся бы воздействию Школьного Сознания, а вот живой человек - нет.

Чан Вэньюй вытерла ладонью струйку крови, которая стекала из её левого глаза.

- Я отыскала левый глаз Толкателя Двери, он был спрятан за Дверью. Я так долго ждала этого дня! И, поскольку он и был тем, кто открыл эту Дверь, только его глаз может иметь такую власть над Школьным Сознанием. Так что я просто заставила живого человека завладеть левым глазом первого Толкателя Двери и, в конце концов, открыть эту чёртову Дверь!

Платье Чан Вэньюй полностью покрылось кровавыми цветами. Этот Великий Красный Призрак, наконец, явил миру свою истинную форму. Но, вероятно, потому, что она находилась на территории кампуса, созданного Художником, её сила была всё ещё сильно ограничена.

- Потребовалось несколько лет упорного труда, чтобы построить этот рай поверх могил, но в итоге, ты всё-таки нашла способ всё испортить...

Художник вздохнул.

- Похоже, пытаться договориться с тобой о чём-либо - пустая трата времени. Раз так, чтобы я мог полностью сосредоточиться на своей миссии, мне остаётся лишь заткнуть рты всем, кто мо мной не согласен!

- Художник, перестань лгать себе! Никто не может создать рай здесь! Вся твоя утопия - это просто тщетная попытка украсить этот ад, сделав его чуточку наряднее.

Чан Вэньюй стояла в самом близком к небу месте. Её платье теперь стало уже почти полностью красным. И лишь та область, где должно было находиться её сердце, осталась такой, какой и была до трансформации.

- Художник, когда я впервые встретила тебя, то уже знала, что ты станешь тем, кого одобрит Школьное Сознание, потому что в этой Школе лишь ты по-настоящему верил, что Мир за Дверью - это не яма отчаяния. Но я не ожидала, что настанет день, когда ты будешь держать в своих руках всю полноту власти.

На этот раз Художник не ответил. Его бледные пальцы монотонно скользили по холсту. Казалось, будто он занят чем-то важным.

- Что ты делаешь?

- Я рисую.

Художник поднял повыше свой порванный надвое холст и продемонстрировал его Чан Вэньюй.

- Я уже, кажется, говорил, что мне нравится рисовать, как кто-то выглядит перед смертью...

На рваном холсте была изображена молодая женщина в кроваво-красном платье. Один из её глаз был рубиново-красным, а другой был вырезан, оставив после себя затемнённое отверстие.

- Как ты думаешь, женщина на холсте хочет умереть?

Художник резко вскинул руку и своими окровавленными пальцами пронзил сердце женщины на картине. Одновременно с этим Чан Вэньюй на крыше рухнула навзничь, безумно смеясь.

- Почему, по-твоему, я пришёл сюда, и трачу своё драгоценное время на разговоры с тобой?

Всё ещё смеясь, Чан Вэньюй превратилась в сплошной сгусток крови. Её тело распалось, и вместо него осталась лишь сеть из многочисленных кровеносных сосудов. Там, где должно было находиться сердце девушки-Призрака, зияла лишь пустота, а остальная часть ее тела была окрашена в красный цвет.

- Ты знала о моей силе, и потому заранее спрятала своё сердце?

Художник посмотрел на нарисованную Чан Вэньюй на картине.

- Тц. Она даже пожертвовала своим телом, лишь бы испортить одну из моих картин…

Художник проигнорировал окровавленное платье, колышущееся в воздухе, и повернулся лицом к парадным воротам. В кровавом тумане со стороны Красного Города к ним приближалась новая угроза.

http://tl.rulate.ru/book/18947/2719437